

Колымский трамвай

«Колымский трамвай» — это такой трамвай, попав под который, бывает-случается, останешься в живых.

Поговорка колымских заключенных

В рыболовецком поселке Бугурчан, влачившем безвестное существование на охотском побережье, было пять-шесть одиноко разбросанных по тайге избенок да торчал убогий бревенчатый клубишко о трех узких окнах, над которыми болтало ветром старый флаг. Оттого ли, что у председателя не было в запасе кумача, флаг не заменяли, он висел в Бугурчане, наверно, с довоенных лет, весь вылинял, — но серп и молот в уголке полотнища по-прежнему выделялись ярко, как номера на бушлатах каторжан.

В трюме судна, развозившего летней навигационной порой грузы для поселков и рабочую силу в лагерь, сюда доставили женскую штрафную бригаду. Окриками и матерной бранью, под лай сторожевых собак конвоиры согнали зекашек к клубу, бдительно пересчитали по головам, после чего начальник конвоя скомандовал всем оставаться на местах и ушел разыскивать единственного представителя здешней власти — председателя поселка, которому надлежало передать этап.

Этап состоял в основном из бытовичек и указниц, но было и несколько блатных — жалких существ с одинаковой, однажды и навсегда покалеченной судьбой: сперва расстреляны или сгнули в войну родители, пару лет спустя — побег из детприюта НКВД, затем улица, нищета, голод, — и так до ареста за кражу картофелины или морковинки с прилавка. Заклейменные, отринутые обществом и озлобившиеся оттого, все они очень скоро становились настоящими преступницами, а некоторые были уже отпетые рецидивистки — по-лагерному, «жучки». Теперь они сидели у клуба, перебранивались друг с дружкой, рылись в своих узелках и выпрашивали окурки у конвоя.

В это месиво изуродованных жизнью лагерное начальство бросило трех политических, с 58-й статьей: пожилую даму — жену репрессированного дипломата, средних лет швею и ленинградскую студентку. За ними не числилось никаких нарушений и посягательств на лагерный режим, — просто штрафбригада комплектовалась наспех, провинившихся не хватало, директива же требовала в срочном порядке этапировать столько-то голов, — и недостающие головы добрали из «тяжеловесок», то есть из осужденных на 25 лет исправительно-трудовых работ.

Новость: «Бабы в Бугурчане!» — мгновенно разнеслась по тайге и всполошила ее, как муравейник. Спустя уже час, бросив работу, к клубу стали оживленно стягиваться мужики, сперва только местные, но вскорости и со всей округи, пешком и на моторках — рыбаки, геологи, заготовители пушнины, бригада шахтеров со своим парторгом и даже лагерники, сбежавшие на свой страх с ближнего лесоповала — блатные и воры. По мере их прибытия «жучки» зашевелились, загалдели, выкрикивая что-то свое на заливчатском жаргоне вперемешку с матом. Конвой поорал для порядка: на одних — чтоб сидели, где сидят, на других — чтоб не подходили близко; прозвучала даже угроза спустить, если что, собак и применить оружие; но, поскольку мужики, почти все с лагерной выучкой, и не думали лезть на рожон (а кто-то и вовремя задобрил конвоиров выпивкой), конвоиры не стали гнать их прочь — лишь прикрикнули напоследок и уехали невдалеке.

«Жучки» в голос клянчили махорку, просили заварить чифирь, предлагали в обмен самодельные кисеты. Большинство мужиков загодя запаслись снедью, кто дома, кто в

поселковом ларьке; в толпу штрафниц через головы полетели пачки чая и папирос, ломти хлеба, консервы... Бросить изголодавшемуся арестанту корку хлеба — было поступком, наводящим на мысль о неблагонадежности, и наказуемым, случись это там, на сострадательной матушке Руси, там полагалось верноподданно опустить глаза, пройти мимо и навсегда забыть. Но тут — потому ли, что почти все здешние мужики имели лагерное прошлое? — тут был иной закон... Компания засольщиков рыбы и единственный в поселке, уже изрядно выпивший бондарь притащили сверток с кетовым балыком, порезали балык на куски и бросили зекашкам.

Измученные морской болезнью и двухдневным голодом в трюме, женщины жадно хватили на лету подачки, торопливо запихивали в рот и проглатывали, не жуя; блатные долго, с хриплым кашлем курили дареный «Беломор». Какое-то время было тихо. Затем послышалось звяканье бутылок; несколько мужиков, как по команде, отошли в сторону и уселись пьянствовать с конвоем.

Насытись, «жучки» хором затянули песни — сначала «В дорогу дальнюю», за ней «Сестру»; мужики вторили им знаменитой лагерной «Централкой», — и после этой спевки все воспрянули, разошлись, стали шумно знакомиться уже без оглядки на конвойных, которые, побросав автоматы и привязав к деревьям собак, пили теперь вместе с вернувшимся начальником и председателем.

Впрочем, особую активность выказывали только «жучки». Бытовички и указницы, которых в бригаде было большинство, вели себя тише и даже держались особняком. Правда, и они охотно брали подачки и вступали в разговоры, но будто отсутствовали при этом; мысли их были об ином: сроки у многих близились к концу, и им в отличие от политических не предстояла ссылка после лагеря. Краткосрочницы-«жучки» тоже ждали своего часа, и хоть возвращаться каждой из них было некуда и не к кому, и воля пугала некоторых, заранее обрекая их на незащитность и равнодушие к их судьбам, но все горести будущего для них пока не существовали: воля есть воля, это главное, это одно уже давало надежду на жизнь впереди. У политических «тяжеловесок» надежды не было — ГУЛАГ поглотил их навсегда.

Втроем они сидели в стороне от толпы — студентка, швея и жена врага народа. Они уже поняли, для чего был устроен весь этот разгул и пьянка с конвоирами; поняли задолго до того, как солдаты один за другим в бесчувствии повалились наземь и мужики с гиканьем кинулись на женщин и стали затаскивать их в клуб, заламывая руки, волоча по траве, избивая тех, кто сопротивлялся. Привязанные псы заливались лаем и рвались с поводков.

Мужики действовали слаженно и уверенно, со знанием дела: одни отдирали от пола прибитые скамьи и бросали их на сцену, другие наглухо заколачивали окна досками, третьи прикатали бочонки, расставили их вдоль стены и ведрами таскали в них воду, четвертые принесли спирт и рыбу. Когда все было закончено, двери клуба крест-накрест заколотили досками, раскидали по полу бывшее под рукой тряпье — телогрейки, подстилки, рогожки; повалили невольниц на пол, возле каждой сразу выстроилась очередь человек в двенадцать — и началось массовое изнасилование женщин — «колымский трамвай», — явление, нередко возникавшее в сталинские времена и всегда происходившее, как в Бугурчане: под государственным флагом, при потворстве конвоя и властей.

Этот документальный рассказ я отдаю всем приверженцам Сталина, которые и по сей день не желают верить, что беззакония и садистские расправы их кумир насаждал сознательно. Пусть они хоть на миг представят своих жен, дочерей и сестер среди той

бугурчанской штрафбригады, ведь это только случайно выпало, что там были не они, а мы...

Насиловали под команду трамвайного «вагоновожатого», который время от времени взмахивал руками и выкрикивал: «По коням!..» По команде «Кончай базар!» — отваливались, нехотя уступая место следующему, стоящему в полной половой готовности.

Мертвых женщин оттаскивали за ноги к двери и складывали штабелем у порога; остальных приводили в чувство — отливали водой, — и очередь выстраивалась опять.

Но это был еще не самый большой трамвай, а средний, «трамвай средней тяжести», так сказать.

Насколько я знаю, за массовые изнасилования никто никогда не наказывался — ни сами насильники, ни те, кто способствовал этому изуверству. В мае 1951 года на океанском теплоходе «Минск» (то был знаменитый, прогремевший на всю Колыму «Большой трамвай») трупы женщин сбрасывали за борт. Охрана даже не переписывала мертвых по фамилиям, но по прибытию в бухту Нагаево конвоиры скрупулезно и неоднократно пересчитывали оставшихся в живых, и этап, как ни в чем не бывало, погнали дальше, в Магадан, объявив, что «при попытке к бегству конвой открывает огонь без предупреждения». Охрана несла строжайшую ответственность за заключенных, и, конечно, случись хоть один побег — ответили бы головой. Не знаю, как при такой строгости им удавалось «списывать» мертвых, но в полной своей безнаказанности они были уверены. Ведь они все знали наперед, знали, что придется отчитываться за недостающих, — и при этом спокойно продавали женщин за стакан спирта.

...Ночью все лежали пластом, иногда бродили впотьмах по клубу, натываясь на спящих, хлебали воду из бочек, отблевалились после пьянки и вновь валились на пол или на первую попавшуюся жертву.

Бывало ли что-нибудь подобное в те дремучие эпохи, когда, едва-едва оторвавшись от земли передними конечностями, первобытные существа жили еще животнo-стадными инстинктами? Думаю, что нет.

...Тяжелый удар первого прохода «трамвайной» очереди пришелся на красивую статную швею. Желу врага народа спас возраст: ее «партнерами» в большинстве оказались немощные старички. И только одной из трех политических сравнительно с другими повезло: студентку на все два дня выбрал парторг шахты. Шахтеры его уважали: справедлив, с рабочими держится запросто, на равных, политически грамотен, морально устойчив... В нем признавали руководителя — и его участие в «трамвае» как бы оправдывало, объединяло всех: как мы, так и наш политрук, наша власть. Из уважения к нему никто больше не приставал к студентке, а сам парторг даже сделал ей подарок — новую расческу, дефицитнейшую вещь в лагере.

Студентке не пришлось ни кричать, ни отбиваться, ни вырываться, как другим, — она была благодарна Богу, что досталась одному.

Наутро конвоиры очухались, у каждого ломило башку с похмелья. Мужики были наготове: выбили доску в двери, двое протиснулись в образовавшуюся щель, поднесли, подлечили — и вскорости конвой опять мертвецки завалился под соснами. Автоматы лежали рядом, овчарки выли.

Только на третьи сутки начальник конвоя наконец очухался и приказал мужикам открыть дверь и по одному покинуть клуб.

Мужики не подчинились. Начальник предупредил: «Буду стрелять!» — но и это не возымело действия. В заколоченном клубе зекашки умоляли конвоиров выволить их, однако угрозы конвоя и мольбы женщин только подхлестнули насильников: они еще не пресытились «трамваем», а когда там в Бугурчан снова привезут баб! И кинулись насиловать еще ожесточенней...

Конвоиры вырубili дверь топором. Начальник повторил предупреждение, но мужики не реагировали и теперь. Тогда солдаты стали стрелять — сперва в воздух, потом в копошащееся на полу месиво тел.

Были жертвы.

Но отупевшие, раздавленные, безразличные ко всему три женщины не интересовались, кто убит и сколько.

Глинка Е. С. «Колымский трамвай» средней тяжести // Нева. – 1989. – № 10.